

Екатерина
ГЛУШИК
г. Москва

Яблонево́е о́зеро, яблонево́ый сон

«Пускай она поплачет, ей ничего не значит...»

Казалось, что запах яблок чувствуется уже отсюда, на выходе из леса. Собственно, это лишь лесополоса вдоль шоссе, за ней, за лугом — озеро. Оно лежало в лучах: с одной стороны берег крутой, а с другой — пологий. На крутом берегу росла яблоня. Её было видно издали: только выходишь из лесополосы — и этот крутояр, как бы его назвали в России, на нём — одинокое дерево, яблоня. Лена не знала этого сорта яблок, но они были очень ароматные. Она любила их нюхать. Приносила домой, раскладывала под кроватью на газете, и в комнате воцарялся дивный запах. А как спало в комнате с таким ароматом! Сладкое проваливание в неведомые пухи, благоуханное покачивание на каких-то облаках, сладчайшее забытьё... И младенческая свежесть наутро. Лена вставала отдохнувшей, если даже приходилось спать совсем немного, а такое здесь часто бывало.

И вот казалось ей, что этот запах нежного

аромата слышен уже отсюда, хотя этого не могло быть: расстояние велико да ещё и постоянный сильный ветер. Надо же, какой от Балтики, расположенной в 200 километрах к северу, ветродуй! Лена, привыкшая дома, в Союзе, ходить с распущенными волосами, вынуждена была здесь заплетать косы, делать пучок, хвост или производить другие нехитрые манипуляции по собиранию волос.

Она ловила себя на том, что ищет этот запах — яблок. Немцы это состояние называют «зюхтиг» — зависимый, стремящийся к чему-то. Лена превратилась в «ароматзюхтиг», вынюхивала этот запах, нуждалась в нём. За яблоками она шла с большой спортивной сумкой. Немцы не ходили к этому озеру ни рыбачить, ни купаться, не собирали дикорастущие яблоки. Они не собирали в лесу ни грибы, ни ежевику. По лесам в поисках лесных даров рыскали только русские: военные, служившие в гарнизонах, и члены их семей. Лена обожала походы по грибы и по ягоды, всегда участвовала в таких вылазках на природу их дружного учительского коллектива. Одной было всё-таки страшновато блуждать по немецкому лесу.

Даже не страшно, а неудобно. А вот с коллегами, прихватив для верности мужа-военного кого-нибудь из коллег, с удовольствием выбирались, устраивали привал с общим столом на поляне, пели, играли, дурачились вдали от ученических глаз. В небольшом гарнизоне, где все на виду, учителям даже собраться за столом не всегда было удобно. Все молодые, озорные, и веселье могло показаться ученикам подогретым. А пить-то и не пили, так, пару капель ликера. Говорят, он здесь очень хорош. Лена знала о вкусе спиртных напитков только понаслышке и верила на слово.

И на озере этом впервые она побывала в очередном походе на природу. Когда набрали грибов, майор Ефремов, как звала своего мужа учитель географии Ирина Владимировна, предложил:

— К озерцу давайте совершим марш-бросок, искупнёмся. А, девчонки?

На тот раз не пошёл по грибы учитель физкультуры и труда, потому майор Ефремов был единственным кавалером среди девчонок-учительниц. Учительницы целомудренно заговорили, что не взяли купальники.

— Так и быть, разрешаю: купайтесь голыми. Как старший по званию... — и тут же был поколочен своей женой, хохотавшей громче всех.

Но к озеру решили пойти, чтобы показать его вновь прибывшим учителям, среди которых была и Елена Васильевна. Пока двигались к нему, бывалые коллеги и майор Ефремов спорили, с какой стороны лучше подойти: крутой или пологой. С пологой подойдешь — можно хоть ноги помочить, освежиться, а майор Ефремов выразил решительное желание искупаться, если даже вода студеная. Но с крутой стороны открывался, как говорили «бывалые», изумительный вид. И там росла яблоня — можно набрать яблок. Пусть пока и не дозревших, терпких, но очень ароматных: в чай они уже и сейчас хороши.

Решили в конце долгого обсуждения, чем и была занята дорога до озера, что «девочки» пойдут на крутой берег, а «мальчик» пойдёт на пологий, пусть купается. А потом на обратном пути «вновь сольёмся в единый коллектив передовой советской интеллигенции, форпост нашей родины на дальних рубежах», как зак-

лючил старший по званию майор Ефремов.

На подходе к озеру группа, «отпочковав» майора, двинулась чуть в гору — на крутой берег. Лена, в обсуждении маршрута не участвовавшая, поняла, почему нельзя и там, и там побывать в этот визит к озеру: идти было далеко, и как бы ни весело и задорно бродили по лесу, всё-таки подустали, потому давать такого кругая было бы не под силу.

Боже, какой вид открылся, когда вышли к конечной точке маршрута! Ей поначалу не всегда было понятно: то ли коллеги подшучивают, так казённо выражаясь, то ли переняли привычку мужей изъясняться военными формулировками. Но именно так и заявила Ольга Владиславовна, математичка: «Коллеги, мы вышли к конечной точке маршрута. Немен зи битте пляц». Вставлять немецкие слова и выражения тоже было элементом здешних разговоров. Всегда — иронично. «Цвай сосика унд порезать», — садясь за стол в гостях ли, в офицерском ли кафе, куда то и дело заглядывали, опять-таки собравшись коллективом, «делали заказ». «Дас ист хорошо, даст ист замечательно», — звучала высокая оценка в адрес чего-либо.

Берег был не очень высоким, но откосно крутым — вниз спуститься с такого практически невозможно. Однако его высоты хватало, чтобы увидеть живописнейшие окрестности: луг, по которому только что бродили, лесополосу вдоль шоссе, лес, начинающийся с другой стороны шоссе, откуда и пришли, а под ногами — голубое озеро, видимо, глубокое в самом центре, потому что голубая вода меняла цвет почти до чёрного. Под обрывом берега как такового почти не было: лишь узкая полоска. А противоположный пологий был песчаным — желтым. И это буйноцветие — темно-зелёный лес, изумрудно-зелёный луг с пестротой цветочного вкрапления, голубая вода, желтый песок — сливалось в удивительную картину. А ещё аромат яблок.

Яблоки тогда, в первое посещение озера, были ещё незрелыми. Всего пара штук падалицей лежала под деревом. У озера никого не было. Коллеги рассказали, что немцы здесь практически не бывают: вода холодная, купаться в такой они не любят, рыбачить сюда не ходят, хотя рыбы много. Именно практи-

цизм немцев, как ни странно, не манил местных рыбаков на это рыбное место. Рыбачить в стране разрешалось только по лицензии, за неё немало приходилось платить, и невыгодно добираться до относительно отдалённого маленького озера. Да и с берега рыбачить, стоя с удочкой, неинтересно. А привозить сюда всякий раз лодку, даже резиновую, — хлопотно. Тем более в округе немало расположенных ближе к населённым пунктам водоёмов больших размеров, оборудованных причалами, стоянками для лодок. Потому тащиться сюда желающих местных жителей не было. И так повелось, что озеро и окрестности были вотчиной советского контингента.

Майор Ефремов был уже на середине озера: он добрался до своего берега раньше, разделся и плыл к обрыву, махая рукой приветствующим его криками и разными энергичными жестами, вплоть до подпрыгиваний, учительницам.

Под яблоней устроили очередной привал: расположились, достали оставшуюся еду и услышали голос из-под обрыва:

— Педагогини! — майор приплыл и уже с суши выкрикивал барышень.

Все вскочили, столпились на обрыве, смеялись, шутили, обещали скинуться и купить пловцу купальный костюм дореволюционных спортсменов — полосатый. Супруга пловца кричала: «Ловлю на слове! Скидывайтесь и покупайте! Председатель профкома, — обращалась она к преподавательнице начальных классов Вере Платоновне, — завтра же организуйте сбор средств. А то в следующий раз заставлю его голым к нам плыть, чтобы вам было стыдно. Есть немой укор, а мой майор будет вам голым укором. Да и непедagogично не выполнять данное обещание. Соответствуйте».

— Педагогини, кончайте гвалт, яблоки транспортируйте! — перекрикивая гомонящих, приказал майор.

Падалица в количестве двух штук тут же была поднята с земли и пущена «самоходом» с обрыва.

— Девчонки, — обращаясь к новеньким, призвала директриса, — смотрите, смотрите.

Яблоки, скатившись с крутого обрыва, доказались до самой кромки воды. Однако в воду не попали. Майор подпнул их, они, оказавшись в

озере, закачались на небольших волнах, скорее, ряби, и вдруг хаотично заскакали, то и дело выпрыгивая из воды.

— Рыбы в водное поло играют, — прокомментировали старожилы.

Присмотревшись, Лена увидела в прозрачной воде стаю больших рыб, атакующих яблоки. Очень быстро они угнали плоды на середину озера.

— Эти ещё незрелые, рыбы их съесть не могут, но когда яблоки спелые или подгнившие, то рыбы прямо на глазах их сжирают. Гурманы.

— Смотри, майор Ефремов, — закричала Олегу Вера Павловна, — осторожно обратно плыви, а то у рыб аппетит разыгрался, в горячке как бы они за твою парочку яблок не ухватились. Приплывешь без даров природы.

Заохотали все. Ирина Владимировна, пожалуй, самая смешливая, стараясь придать голосу угрожающие нотки, вступилась за своего майора:

— А что это тебя так волнует? И растеряет он свои, нет, наши, — сделала она ударение на этом слове, — наливные яблочки. Как ты от этого страдаешь? Мне горя мало, а она, смотрите на неё, озаботилась.

— Так указ министра обороны вчера вышел: евнухов из армии увольнять. Вас до срока отсюда откомандируют, и кто будет преподавать такой стратегически важный предмет, как география? — не осталась в долгу Вера Павловна.

Яблоко тогда сорвали всего по паре штук: они были терпко-кислыми, но уже ароматными. И действительно очень хороши в чае. После того общего похода Лена и одна стала приходить сюда. В округе были и другие живописные места. Рядом с гарнизоном плескало волнами большое озеро, куда все ходили купаться: вода там до осени держалась тёплой. Но сюда Лена выбиралась посидеть в тишине на крутом берегу, собрать яблоки. Этот вид — лес, луг, вода, косогоры — очень напоминал окрестности бабушкиной деревни, куда на летние каникулы и как ученица, и как учительница ездила Лена.

Если на озере резвились школьники, Лена, не желая смущать учеников, устраивалась где-нибудь неподалеку на лугу в высокой траве, сидела или ложилась, глядя в небо. Темнело здесь

поздно, а по писаному и неписаному правилу школьники любых классов должны были быть на территории гарнизона не позднее 19 часов. Так что можно их переждать и уже одной сидеть под яблоней или на пологом берегу.

Когда яблоки созревали, плодами было осыпано и дерево, и земля с той стороны, которая не была обращена к обрыву. Яблоки, падавшие со стороны обрыва, катились вниз, к озеру, берег которого и переходил в обрыв. Озерцо было небольшим, но и в нём из-за ветров то и дело ходили волны. Они «слизывали» с берега яблоки, не докатившиеся до воды. Лена любила смотреть, как плоды эти вода волной, словно рукой, загребает и уносит. И как только яблоки оказывались в воде, они начинали прыгать. Рыбное водное поло. Холодная вода озера только летом и ранней осенью к позднему вечеру, когда было темно, нагревалась до терпимой температуры. В такое время Лена ходила сюда с коллегой, тоже вновь прибывшей учительницей математики Ларисой Петровной, холостячкой, как называли в гарнизонах незамужних вольнонаёмных работников: учителей ли, продавцов ли, официанток ли.

На этот раз Лена заметила возле яблони мальчишек. Они были в плавках, значит, под крутым берегом сидят девчонки, ради которых мальчишки сюда и забрались. Школьники ходили к озеру на пологий берег и плескались по колено в воде: бегали, высоко, подобно цаплям, поднимая ноги, брызгались, гонялись за подплывавшими рыбами. Девочки стайкой шли по кромке суши к крутому берегу, садились под обрывом. Мальчишки якобы тайно по поднимающемуся к обрыву склону бежали на крутояр, набирали яблоки и обстреливали ими с высокого берега девчонок, специально для этого и усевшихся под обрывом. Девчонки вскакивали, начинали визжать, кричать, грозить кулаками. Мальчишки устраивали пляски папуасов, демонстрируя, что угрозы им нипочём, девочки якобы отстреливались этими же самыми яблоками безуспешно, никогда не попадая в обидчиков, потом бежали на пологий берег к одежде и своей, и мальчишек, якобы с угрозой утопить одежду нападавших. Те стремглав пускались под уклон вызволять свои вещи, прибегали всегда раньше девчонок, хватили штаны, рубашки, победно-

безнаказанно махали ими — «и не утопите, и не утопите» — приближающимся мстительницам, девочки всячески выражали свои претензии за обстрел, потом гонялись за мальчишками. Затем примирившиеся стороны начинали другие игры, а к положенному часу собирались и стайкой шли в гарнизон. Когда они скрывались в лесополосе, Лена вставала из трав и шла к яблоне. В ясную погоду наблюдала отсюда закат солнца.

На этот раз в гарнизон она шла с полной сумкой яблок. В лесополосе её окликнули: «Елена Васильевна!» Это был капитан Нгай, инструктор по рукопашному бою разведбата.

Лена обрадовалась. Но удивилась. В этой стороне от гарнизона военные почти не бывали. Вот только нечастые вылазки педагогического коллектива да школьные стихийные походы по окрестностям или к озеру оживляли эти цивилизованно безлюдные места. И что тут делал Нгай, непонятно.

— Николай, здравствуйте.

— Не боитесь одна ходить? — он спрашивал, заметно волнуясь.

— Да чего бояться? Немцы сами говорят, что у них здесь за последние 25 лет не было ни одного убийства и изнасилования. Ну а свой солдат ребёнок не обидит. Неуютно одной ходить, это да. Но не страшно.

— В принципе, так. И не каждый отважится вас обидеть, — при этих словах он ещё больше засмутился. Получилось двусмысленно: Лена была крупной, физически развитой. И здесь, в гарнизоне, каждый день занималась подкачкой.

— Вот и хорошо, что так, — она загладила неловкость разговора.

— Давайте я вам помогу, — он взял сумку.

Хотя Лена отдала её, но оговорилась:

— В гарнизоне я сама понесу.

Он понял, сказал с обидой:

— Не хотите, чтобы подумали?

— Да, не хочу. Тем более и думать-то не о чем, а разговоры пойдут. Вы должны понимать, Николай.

Учителя дорожили своей репутацией, давать даже малые поводы для пересудов не хотел никто из них. В том числе потому, что с такой репутацией желающие выйти замуж теряли шанс.

Николай засопел.

— К чему зряшные разговоры? — Лена опять пыталась сгладить неловкость.

— А если незряшные?

— Нет, зряшные, — здесь точки надо ставить над и сразу. — Можно мы опять к вам с ребятами придём? Им очень понравилось у вас, — ей хотелось польстить Нгаю и перевести разговор. Она водила своих учеников на экскурсию к нему в разведбат. Школьники лазили по окрестностям, в деталях знали все секретные ангары, в том числе каждый закуток в разведбате. Но Лена, столкнувшись с тем, что с ребятами здесь практически некуда ходить на экскурсии, предусмотренные программой, такие, например, как по профориентации, решила эту проблему так: она водила детей на экскурсию в магазин, рассказывая о работе продавца, товароведа, фасовщицы, бухгалтера, в госпиталь, в полк, и школьникам это нравилось: они иначе смотрели на привычные вещи. Потом на классном часе обсуждали увиденное и услышанное.

Вот и в разведбат пришли с экскурсией. Самым интересным здесь было подразделение Нгая — его спецрота, их тренировки, которые почти всегда проводились в закрытых помещениях или на открытой местности, но вдали от людских глаз. К удивлению многих, инструктор согласился принять экскурсантов 5 класса. Боевые приемы, продемонстрированные спецбойцами, потрясли не только школьников, но и учительницу. Потом был совместный с ротой выезд на лесные учения, где бойцы лазали по деревьям, как кошки, незаметно подкрадывались, вырастая перед тобой из-под земли, попадали ножом в дерево с большого расстояния.

Нгай редко ходил по гарнизону, пропадая в разведбате. Но когда появлялся, то заходил в школу, приветствуя «своих ребят», как он после двух встреч стал называть учеников Елены Васильевны. Ребята хвастались особым расположением к ним такого человека. Про Нгая ходили легенды: как он может убить нажатием пальца на какую-то точку, как он вырубил пятерых здоровяков в соседнем гарнизоне, когда те стали разбираться, что за штатские такие борзые тут явились. Это когда Нгай с товарищем «в гражданке» приехали туда к однокласснику по училищу. Как он прыгает, успевая сде-

лать в воздухе несколько движений... Это и Лена видела на тренировках. И услышала, проверяя вечером тетради в классе, как сидевшие на крыльце школьники 6 класса заявили на реплику её учеников — «Нгай наш класс полюбил»:

— Не ваш класс, а вашу классную. Тоже мне: он их полюбил! Нужны вы ему как рыбе зонтик. А вашу классную какой дурак не полюбит?

Лене стало не по себе: что за разговоры? Кроме тех экскурсий и не было ничего.

И вот они идут с Николаем по лесу, молчат. На подходе к городку она взяла у него сумку:

— Спасибо.

— Вам спасибо, что разрешили пройти с вами, Лена. С тобой, — он впервые так к ней обратился. — Можно тебя пригласить в кино?

— Нет, Николай. И зовите меня Елена Васильевна.

Лена пошла к своему дому. Она хорошо относилась к этому приятному парню, но не испытывала к нему чувств, а развивать их не было желания. Она не хотела выходить замуж за военного, потому что пришлось бы ездить по гарнизонам, значит, уезжать от любимой мамы. Да и какой из Нгая муж? Он чуть ли не по пояс ей.

В следующие дни он пару раз пытался поговорить, то поджидая возле её дома, где она занимала комнату в коммунальной квартире, то карауля у школы.

— Николай, не вынуждайте меня обратиться к командиру вашего полка, — пришлось так отказать настойчивого кавалера. Она бы не обратилась. Но такого стыда Нгай перенести бы не мог. И перестал преследовать.

...Закрыв глаза, Лена лежала под яблоней, вспоминала маму. Не было забытья, а томительная сладость от этого воспоминания. Села, взяла лежавшее рядом яблоко, кинула в воду. Сумраки были уже густы, рыб не видно, а только светлое яблоко запрыгало на тёмной воде. Вдруг рядом с ней кто-то опустил на землю. Нгай.

— Добрый вечер, — поздоровался он.

— Добрый. Напугали. Не заметила, как подошли.

Он усмехнулся:

— Какой же я инструктор разведбата, если меня может обнаружить непрофессионал? Мы умения не только на тренировках демонстрируем, но и в жизни применяем.

Молчали. Лена чувствовала его напряжение, хотела встать, но он не дал, взяв за руку.

— Николай, вы что?

— Ты знаешь, — он всё-таки был на «ты», — я себя еле сдерживал, когда ты лежала, пережидал. Но мне нужно это. — Он повалил её на землю и стал целовать. Она попыталась вырваться, но он так «заблокировал» её, что она не могла и шелохнуться. Да уж, умения свои они в жизни очень даже применяют. Целовал долго, буквально высасывая её губы.

Когда «разблокировал», Лена не могла пошевелиться: руки, ноги занемели, шею свело. Он сел:

— Мне нужно это. Я тебя люблю. Пришёл приказ о моём переводе. Я знаю, сейчас ты за меня замуж не пойдешь. Но даже если бы пошла, я бы не мог тебя туда взять. На сборы у меня 24 часа. С ноля часов пойдёт отсчёт. Мне надо увезти с собой ощущение тебя.

Лена пришла в себя. Она едва подбирала слова:

— Я вещь, что ли? Ему воспоминания нужны! А мне такие воспоминания не нужны! Это подло — пользоваться силой. Думаете, если убьете, то и управы на вас нет?

— Лен, а чего ты всегда такая чопорная со мной? Ты же нормальная девчонка.

— Я не девчонка, я учительница, — почти прокричала она. — Я вам и повода не давала, вы и то вон как себя ведёте, а поулыбайся с вами, поговори по-дружески, так не знаю, что возомните.

Она потрогала губы:

— Вы соображаете, Николай, как я завтра в школу приду? Они у меня уже сейчас распухли, а завтра что будет? Что дети подумают?

— Ничего не будет. Я сейчас, — Нгай по-кошачьи вскочил и скрылся в сумерках. Через пару минут он появился, держа в руке пучок каких-то трав.

— Вот, разотри, чтобы сок выделился, приложи к губам. Только ляг, а то отёк вниз пойдёт.

Лена послушно легла. Сначала почувствовала лёгкое пощипывание, потом приятно разливающую теплоту. Нгай лежал рядом. Взял её за руку. Лена впала в странное забытье. И не сон, и не дрема... Даже сил вырвать руку не было. Да и желания вырвать руку не было.

Она почти стала засыпать, когда он спросил:

— Спать хочешь?

— Угу, — прогудела она.

— Ну всё, лист можно убирать, — и сам снял лист с её губ. — Губы горят?

— Угу.

— Тогда лежи, а я тебе вот этот приложу, — он, видимо, стал растирать другое растение, потому что пошёл приятный запах, похожий на меллису, но слаще. Положил листок ей на губы:

— Чтобы не потрескались, — объяснил он.

— Что это за трава? Я и не знала такую.

— Да вон даже бургеры не знают, что у них под носом растёт. А нам положено производить рекогносцировку не только местности, но и животного и растительного мира. «Боец спецназа должен уметь обходиться без запасов пищи, воды и медикаментов в любой — населённой и безлюдной — местности», — нарочито отчеканил он, как на занятии с бойцами. — Видишь, тоже учить умею.

Лена лежала, её рука была в руке Николая. Чувствовались тепло и пульсация. Теплота во всём теле, забытье, аромат яблок и мелиссы... Не было видений, а лишь тени каких-то ощущений, словно летела или плескалась на волнах. Наверное, в раю так же хорошо и такие же запахи.

Очнулась. Сумерки совсем сгустились. Села. Сел и Нгай:

— Лен, я только внешне тебе не пара. Я бы тебя сделал счастливой. Всю бы жизнь тебя на руках носил. — И добавил, смущаясь: — Честно.

Лена засмеялась. Вспомнила, как соседка говорила её маме: «Всем у тебя, Тоня, девка хороша. Такую бы на руках носить. Но тут не муж, а подъёмный кран нужен. Да и то не всякая стрела выдержит — обломает мужика».

А Нгай едва ли не в два раза меньше.

Она поднялась. И вдруг он ловко подхватил её на руки и побежал вниз по склону. Лена испугалась, что он уронит её, обхватила его руками за шею.

Опустил он её на землю, только сбегав с обрыва.

— С ума ты сошёл?! — и она перешла на ты.

— Давно. Ну, хоть по-человечески заговорила, слава Богу. Завтра я буду отходную делать. Приходи в семь, очень прошу.

– Не обещаю.

– Не обещай, а приходи.

У Лены было всего 4 урока, у её класса тоже. Собрав ребят после занятий, разрешив накопившиеся за день дела и проблемы, не заходя домой, прямо из школы отправилась в город к немецкой коллеге фрау Манго, с которой они вели семинар русского языка для немецких школьников. На подходе к городу на просёлочной дороге издали заметила шедших навстречу Нгая и его друга старшего лейтенанта Сергея Пращурова. Они были в гражданской форме. Когда подошли, Лена увидела, что на шее у Сергея болтается фотоаппарат.

– Вот, ходили в город, запечатлевали меня на фоне западной цивилизации. Всё думал, успеется, ни одной фотки не было. А вот раз – в 24 часа.

– В азиатскую нецивилизацию, – сказал Сергей и осёкся.

– Лена, давайте сфотографируемся, – неуверенно предложил Нгай.

При этих словах друга Сергей порывисто сорвал аппарат с шеи:

– На фоне каштанов встаньте, – стал расставлять он.

Нгай подскочил к Лене, обхватив её за талию.

Боявшаяся щеколки Лена захохотала, Сергей шелкнул. Лена, повернувшись к Николаю, стала убирать его руку с талии, Николай, думая, что она хочет взяться с ним за руку, сжал Ленину руку, Сергей шелкнул.

– Давайте нормально встанем, сфотографируемся, – она отстранилась, встала вполоборота на некотором расстоянии от Николая. Сергей снова щёлкнул.

– В семь часов жду, – Нгай смущался.

...За столом сидели одни молодые офицеры – друзья Нгая. Место в торце рядом с Николаем пустовало. Лену усадили, стали за ней подчёркнуто внимательно ухаживать. Было ясно, что её принимают даже не как девушку Нгая, а как невесту. «Без меня меня женили».

Друзья Николая говорили о том, какой Коля хороший, какой он прекрасный специалист и верный друг, как с ним будет хорошо любому человеку. Понятно, что все эти разговоры – для Лены.

Включили музыку. Николай взял за руку Ле-

ну, приглашая танцевать. Это был мальчишник, они были единственной танцующей парой. Николай пытался обнимать Лену, она отстранялась.

– Как губы? – спросил он.

– Как видишь. Слушай, я не запомнила название травы.

– И нечего тебе запоминать, – надулся Николай.

Лена расхохоталась: он решил, что ей надо знать, чтобы и впредь отёки с губ снимать.

– Да я просто в лечебных целях, мало ли что.

– В лечебных целях обращай к услугам официальной медицины. Военврачи зря тут, что ли, на довольствие поставлены, свой паёк едят?

– Вчера же назвал мне эту траву, секрета не делал.

– Вчера назвал, а сегодня не назову. Ты уж и губы раскатала, – они болтали, смеялись, и со стороны это выглядело, наверное, как щебетанье влюблённых.

Когда танец закончился, Лена направилась к дверям:

– У меня завтра много уроков, а я ещё не ко всем подготовилась.

– Я к тебе попозже зайду, – громко сказал Николай. Он явно «столбил» место. Ну, пусть поважничает, жених.

...Осталось придумать примеры для темы «Знаки препинания при причастных оборотах». Взяла тему географии. «Горы, расположенные...» писала она очередной пример, когда в дверь постучали. На пороге стоял Нгай.

– Николай, уже поздно. Мы ведь попрощались.

– Можно я войду?

– Нельзя. Не будем детский сад устраивать, – она закрыла дверь и сразу заперла на ключ.

Он постукивал, приговаривая:

– Ну, открой. Сказать надо чего-то. Открой.

Дурацкая ситуация! Тут только повод дай для разговоров – пойдёт слава.

– Николай, я вас просто уважила как друга нашего класса, придя на проводы. Между нами ничего не было и не может быть. Не позорьте ни себя, ни меня, – строго выговаривала Лена из-за двери ночному визитеру.

Стук прекратился. Лена даже удивилась такой сговорчивости. Уже действительно поздно.

Дописав примеры по теме, сложила конспекты завтрашних уроков в сумку, умылась, легла. Очень хотелось спать. Недосыпание здесь — постоянная проблема. Не было методистов, кружков, пособий, приходилось всё делать, выдумывать самой, вести секцию волейбола, чтобы занять и развить ребят, кружок вязания, куда ходили и мальчишки, устраивать походы... Мечтала выспаться. Но даже в выходные этого сделать не удавалось. Ложась, она почти сразу засыпала: короткое забытие — и крепкий сон.

Сквозь забытие слышала шорох. Хотела открыть глаза, но не могла — сил не было. Почувствовала запах яблок. Откуда он? Сон. Яблок уже не осталось. Несколько штучек висели на вершине дерева, куда не забраться. Опадут они уже сгнившими. Потом появилось ощущение, что кто-то стоит у кровати. И надо бы встать, включить свет, посмотреть, что за звуки и запахи в закрытой комнате... Но разве есть силы на это? Сон. Вдруг кто-то садится на край кровати и берёт Лену за руку. Она резко села, увидела силуэт.

— Кто это? — от страха почему-то шептала.

— Кому же быть, как не мне? — голос у Нгай был браваурный. Навеселе парень.

— Вы понимаете, что я чуть не умерла от страха? Как вы попали?

— А я чуть не умер от горя, когда не открыла. Это нормально?

— Вы не офицер, а хулиган.

— Я хулиган и есть. И был. Но и офицер! Как попал, как не через форточку? Первый этаж — тоже мне задача. Уеду, ты форточку открытой не оставляй, да ещё на ночь. Яблоки принёс. Куда ссыпать?

Идя спать, Лена открывала шторы, чтобы, лежа на постели, смотреть на звёзды, на луну. Сейчас луна висела чуть усечённым диском прямо над окном, освещая комнату. Нгай стоял, придерживая край футболки, из которого смастерил что-то похожее на сумку кенгуру, где и лежали яблоки.

— Не нужны мне твои яблоки, уходи, — Лена была по-настоящему сердита.

— Зря я, что ли, мотался к озеру? Чуть не вернулся с твоей яблоня.

— Я не посылала. Вернее, посылала, но не к озеру.

Он тихонько засмеялся:

— Да не бойся ты, я тебе ничего плохого не сделаю. Я просто хочу в последний вечер посидеть с любимой девушкой. Может, вообще в последний раз.

— Сейчас я, как настоящая баба, разжалоблюсь и пожалею бедного. Жди.

— Да я и не жду. Чё меня сейчас жалеть? А может, придёт время, и пожалеешь. Чё я как беременный с яблоками твоими? Ссыпать куда? — он подошёл к столу, за которым Лена готовила уроки, отодвинул стопку тетрадей, высыпал яблоки. — Только два на самой верхушке оставил для птичек, — отчитался он. Опять сел на край кровати. — Так и будешь в темноте гостя держать? В темноте-то мысли нехорошие в голову идут, — настроение у парня игривое.

— Уйди за шкаф, я оденусь, — Лена надела брюки, водолазку, включила настольную лампу, накрыла кровать пледом.

Она села на кровать, он — на стул напротив.

— Ты знаешь, вот ты сказала, что я не офицер, а хулиган, — Нгай говорил торопливо, словно боялся, что недоскажет. — Я отшутился, но вот серьезно тебе говорю... Как-то неудобно это говорить, вроде бы высокопарно. Да я и стесняюсь еще: и тебя стесняюсь, и говорить стесняюсь. Но ты поймешь. Мне важно, что я — офицер. Я первый в своём роду офицер. Воины были, конечно. Там семейные предания и всё такое. Деды воевали. Но солдатушками, пехота. Один почти до Берлина дотопал, ранили. Другой в Белоруссии погиб. А я — офицер. Я горжусь, мать-отец так гордятся, как дети, честное слово. Я в форме-то не больно ходок, а в отпуск когда приезжаю, в первый же вечер — форма одежды, товарищи офицеры, — парадная. И по посёлку нестроевым шагом: мать с одной стороны, отец с другой, братишки сзади от гордости лопаются. Вот вам и хулиган — нгаевский Колян! А ещё оба ордена — на грудь. Мама дорогая! В посёлке — ураган. Честно говорю.

— Да я и не сомневаюсь, — Лене неудобно стало за те свои слова. — У меня дядя офицер, — поддержала она разговор.

— Вот! — почти закричал ночной гость. — И знаешь, горжусь и офицерскую честь выше всех других ставлю. Да! Понял, точно тебе говорю,

если в тебе офицерская честь не запятнана — и другие сохранил. И фамильную, и мужскую, и все! Вот ты не думала об этом, тебе, в принципе, зачем, а я много думал. Точно! Офицерская на себе другие вытягивает, вернее, она не даёт тебе опуститься ни как мужику, ни как кому. Ну, я не очень, может, гладко объясняю. Я же не учитель литературы. А ты вот, литератор, да, смотри, Толстой сам ведь офицер был и понимал. Понимал! Смотри, у него Андрей Болконский, помнишь, ядро там. А он смотрит на ядро, всё понимает, но перед солдатами не может мордой в землю. Потому что уже не подняться ему, даже жив остался бы, из грязи-то. Перед солдатами, в их глазах, он не может честь на жизнь поменять. В школе проходили — не понимал. «Дурак, думал, этот Болконский, — я бы на его месте вальнул, а потом бы этим французишкам — нате! Самих бы мордой в грязь». А вот сам оказался... Салага, в принципе, был, с бойцами разница в пару лет всего. Ну, не пару, чуть больше. Ни сил не было, ни надежды, что всё нормально будет, а подумал: «Мама дорогая! Я же офицер! Я же своим тут последняя инстанция, царь и Бог, и что думаешь? И нате вам, — Николай развёл руками, — получите духари в своё рыло сухари. Ой, это я вместо матюгальников научился. Всё же лучше стихами, чем матом. И знаешь, вот сейчас мне на выбор дай: честь офицера сохранить или жизнь — не вопрос! — он рубанул рукой воздух. — Не вопрос! Честь! Честь офицера!

Они проговорили до первых лучей солнца.

— Я письма отправлять не смогу, но весточки присылать буду. А ты пиши. Через Серёгу Пращура будем связь держать, — попросил он, уходя.

Через пару недель Сергей принёс Лене фотографии: вот они стоят с Николаем, он держит её за талию, она хохочет, он счастливо расплылся в улыбке. Это когда он её ухватил, а она от щекотки расхохоталась. А вот они, держась за руки, повернулись друг к другу, улыбаются. Разве подумаешь, что это она руку его убирает со своей талии? Такая идиллия! И третий снимок: она сдержанно улыбается, стоя чуть ли не на расстоянии вытянутой руки. Николай уже более серьёзен: позирует.

— Лена, напишите Коляну письмо, — попросил Сергей.

О чём писать? Зачем?

— Ему там нужно, — продолжал Пращуров. — Не знаю, когда дойдёт, но хоть по радию зачитают, — может, Сергей специально предупреждает, что письмо увидят чужие глаза? Подумаешь, осторожности! Она ничего писать и не будет. Особенного.

На танцах в офицерском клубе её опекали разведбатовцы. Иногда они приглашали по очереди на танец, чтобы не скучала, но не подпускали к ней никого постороннего. Домострой! Романы ей не нужны. Но это оскорбительно — так вести себя по отношению к ней. Она свободный человек, не связанный никакими обязательствами. Пару писем, однако, написала. «Здравствуй, Николай! Мои ребята передают тебе привет, с благодарностью вспоминают наши экскурсии, спрашивают, вернешься ли ты в гарнизон? Я говорю, что не вернёшься. Твои яблоки уже съела. У нас закончилась 2-я четверть. Мы в каникулы ездили в Варнемюнде в океанариум. Всем понравилось. Желаю тебе хорошей службы. С уважением Елена». Второе послание — в этом же духе: «Побывали в Берлинском зоопарке. Остались очень довольны».

А что она могла написать?

...Сергея она встретила на том самом месте, где он их с Николаем фотографировал. Он не шёл ей навстречу, а брёл. Осунувшийся, растерянный.

— Лена, Коли больше нет, — и, ничего не добавив, пошёл дальше.

Лена направлялась в город, но развернулась и пошла обратно. И оказалась у озера. Сидела на пронизывающем ветру, тупо смотрела вдаль на поблекшие окрестности. И даже не заметила, что ревела всё это время. Вернувшись домой, прикладывала лед к глазам, но на уроки на следующий день пришла оплывшая. Ученики, глядя на неё, сидели притихшими, а отвечая, приглушали голоса.

Ночью приснился сон: она на озере, смотрит вдаль в тревожном ожидании, слышит аромат яблок. Вдруг кто-то берет её на руки и бежит вниз по склону. Она обхватывает его руками за шею, не видит лица, однако знает, что это Коля. Её переполняет радость — именно его она и ждала; страх от этого стремительного бега;

ощущение надежности в его руках, его силы. Она кричит ему: «Коля! Коля!» Проснулась от своего крика.

Как-то зашёл Сергей, принёс маленький свёрток, развернул.

– Я из отпуска. Заезжал к родителям Николая, они передали.

Гвардейский значок, привинченный к карточке.

– Мне есть записка, но я и вам прочитаю: «Серёга, если это сейчас у тебя, то в курсе, что и как. Прощай, братан. Живи за нас двоих – счастливо живи. Всем нашим – привет. Поминай, но не лихом. Значок отдашь сам знаешь кому. Ничего, Пращур, я не прорвался, а ты прорвёшься».

Передавая Лене значок, смущённо пояснил: – Там, с обратной стороны, это... Написал он. Я не читал. Вернее, ну, открыто же, не нарочно прочитал.

На картонке было написано: «Лена, я тебя люблю».

– А где... Коля?

– Там. Доставить тело не представлялось возможным. Могилу символическую на родине сделали, памятник поставили. Фотография могилы вот, – Сергей достал снимок. На памятнике выгравирован портрет счастливо улыбающегося Николая. Это с той, их первой фотографии. В углу памятника Лена увидела звездочку.

– Он что?

– Да. Героем жил, Героем погиб.

Дома Лена достала те три фотографии, которые не поместила в свой фотоальбом, а засунула в коробку с барахлом всяким. Стала смотреть на Колю и вдруг почувствовала себя вдовой. В фильмах видела вдов, в книгах о них читала, а тут сама: чувство пустоты, бессилия, тоски, теснота в груди такая, что невозможно дышать. А что было? Единственная прогулка. Единственный поцелуй. Единственный танец...

Лене снится и снится тот яблоневоый сон: яблоневое озеро, яблоневый аромат. Она сидит под яблоней, всматривается вдаль. Вдруг кто-то берёт её на руки, бежит вниз по склону, и это ощущение перехватывающего дыхания...

Иногда она просыпается от собственного крика, иногда просто просыпается и старается продолжить сон, возвращая эту сцену. Но и так вернуть Колю не удаётся. И всякий раз она не может успокоиться, плачет.

А ведь была уверена, что не любит.

□

Екатерина Фёдоровна ГЛУШИК

родилась в Ижевске, окончила филологический факультет

Удмуртского государственного университета.

Автор семи книг прозы и публицистики.

Лауреат литературной премии «Эврика»,

дипломант конкурса имени Алексея Толстого,

автор «Книги года – 2006»

(за документальную книгу «Беседы о Сталине»).

В настоящее время живет и работает в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

